

УДК 811.161.1'42 Бажов

О. И. Гамали, О. Б. Каневская

«КАМЕННЫЕ ОБРАЗЫ» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА П. П. БАЖОВА

О. И. ГАМАЛИ, О. Б. КАНЕВСЬКА. «КАМ'ЯНІ ОБРАЗИ» В ІНДИВІДУАЛЬНО-АВТОРСЬКІЙ КАРТИНІ СВІТУ П. П. БАЖОВА.

У статті розглянуто семантику найменувань каменів-самоцвітів у картині світу П. П. Бажова, чия творчість укорінена у фольклорі Уралу. Встановлено, що символічних значень у П. П. Бажова набувають назви лише трьох самоцвітів: малахіту, мідного смарагду, хризоліту. Усі вони супроводжують поклади міді і мають зелений колір. «Кам'яні образи» є амбівалентними: життя, багатство, краса, але й таємниця, хвороба, смерть. Найбільш складною є контекстуальна семантика найменування «малахіт» – домінанти авторських символів Уралу: Малахітниця, малахітової шкатулки, кам'яної квітки.

Ключові слова: П. П. Бажов, індивідуально-авторська картина світу, символічні значення, назви самоцвітів, малахіт, мідний смарагд, хризоліт.

О. И. ГАМАЛИ, О. Б. КАНЕВСКАЯ. «КАМЕННЫЕ ОБРАЗЫ» В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА П. П. БАЖОВА.

В статье рассмотрена семантика наименований камней-самоцветов в картине мира П. П. Бажова, чье творчество коренится в фольклоре Урала. Установлено, что символические значения у П. П. Бажова приобретают наименования только трех самоцветов: малахита, медного изумруда, хризолита. Все они сопровождают залежи меди и имеют зеленый цвет. «Каменные образы» амбивалентны: жизнь, богатство, красота, но и тайна, болезнь, смерть. Наиболее сложна контекстуальная семантика наименования «малахит» – доминанты главных авторских символов Урала: Малахитницы, малахитовой шкатулки, каменного цветка.

Ключевые слова: П. П. Бажов, индивидуально-авторская картина мира, символические значения, наименования самоцветов, малахит, медный изумруд, хризолит.

O. HAMALI, O. KANEVSKA. «STONE IMAGES» IN THE INDIVIDUAL WORLDVIEW OF PAVEL BAZHOV.

Author's individual worldview is of interest to linguistics today. Original Russian writer Pavel Bazhov (1879-1950) drew on the folklore of the gemstone-rich Ural Mountains. Gemstone names are highly important in his works but no special description of them is available. This article aims to reveal and describe symbolic meanings of gemstone names in the author's individual worldview. As is known, Bazhov views the Urals as a union of stone and man. Only three Ural gemstones have symbolic meanings in Bazhov's tales: malachite, copper emerald and chrysolite. These stones occur with copper deposits. They are green like the Ural forests. Green merges with the colour of the stones and their eternal nature. The «stone images» are ambivalent as well as green. Green symbolizes not only youth, joy and hope but also illness and death. Malachite is a protective stone but kills master polishers. In Bazhov's tales, malachite underlies three symbols of the Urals: the mountain spirit (the Mistress of the Copper Mountain, or the Malachite Maid), their wealth (the malachite box) and their beauty (the stone flower made of malachite). Copper emerald is the sign of the mountains' secret treasures having absolute power over man. Chrysolite is a generous gift given by the good mountain spirit to good people. The unity of man and stone reveals spiritual truth. Thus gemstone names become symbols of spiritual enlightenment, transformation and the eternal mystery of nature.

Keywords: Pavel Bazhov, the author's individual worldview, symbolic meanings, names of the gemstones, malachite, copper emerald, chrysolite.

Анализ художественных произведений в аспекте специфики художественной картины мира их создателя является одним из перспективных направлений современной лингвистики. В центре внимания исследователей находятся вопросы когнитивного анализа художественного текста (Н. Ф. Алефиренко, И. А. Голубовская, С. А. Кошарная, Е. С. Кубрякова,

М. В. Пименова, И. А. Тарасова, В. Н. Телия и др.), методики изучения концептосферы (С. А. Аскольдов, И. Н. Горелов, В. И. Карасик, Д. С. Лихачев, Ю. Е. Прохоров, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.), принципов описания языковой картины мира в целом (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, П. Я. Гальперин, Г. Д. Гачев, Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, Н. Г. Комлев, О. Н. Селиверстова, О. А. Радченко, Н. И. Сукаленко, Е. В. Урысон и др.) и индивидуально-авторской картины мира писателя как представителя определенной лингвокультурной общности (Л. Г. Бабенко, О. Е. Беспалова, Н. С. Болотнова, М. Я. Дымарский, Ю. В. Казарин, В. А. Маслова, Л. А. Петрова, Н. А. Юшкова и др.). Художественная картина мира определяется как индивидуально-авторская модель, отображенная при помощи семантики различных единиц языка в сознании автора и зафиксированная в его лингвосмысловой сфере [5, с. 76], которая складывается «в чувствах, сознании, идеальных устремлениях личности из данных чувственного восприятия окружающего мира» [8, с. 14]; справедливо подчеркивается (В. А. Маслова, Л. А. Петрова, Д. М. Поцепня, Н. И. Сукаленко и др.), что художественная картина мира автора, воплощаемая в художественном тексте, создается с помощью отбора языковых средств, в том числе и образных – тропов и стилистических фигур, композиционно-структурного решения его содержательного уровня.

Самобытное творческое наследие Павла Петровича Бажова (1879–1950) привлекает внимание ученых достаточно давно. П. П. Бажов сумел найти специфическую литературную форму сказа, при всей своей самобытности обладающую универсальностью смысла. «Сказ – это эпическое произведение в прозе малой формы, повествование в которой ведется с установкой на достоверности», – отмечает В. А. Михнюкевич [7, с. 105].

Существует много исследований, посвященных жизни и творчеству писателя (М. А. Батин, В. В. Блажес, И. С. Егурная, Н. В. Кузнецова, А. П. Моисеев, А. Л. Намкин, Е. А. Пермяк, А. С. Саранцев, Л. М. Слобожанинова, Н. А. Ягодинцева и др.); выявлению специфических черт поэтики, стиля и жанра его произведений (Р. Р. Гельгардт, Д. В. Жердев, В. А. Михнюкевич, В. В. Эйдинова и др.); описанию зооморфных и символических образов, образов персонажей, природе комического, лексическим и синтаксическим особенностям бажовских сказов, их фольклорным истокам (А. Иванов, О. Б. Каневская, В. А. Мишланов, Е. Е. Приказчикова, Л. М. Шайхинурова, Н. А. Швабауэр). Однако языковая основа сказов П. П. Бажова, авторская художественная картина мира изучены недостаточно глубоко.

Сказы П. П. Бажова неразрывно связаны с миром и культурой Урала, его легендами и сказками, горными рабочими, уральской природой и самоцветами. Д. В. Жердев, изучая «своеобычность бажовских сказов как художественной системы», осмысляет их как специфическое надтекстовое единство («активный свертхтекст») [4, с. 53].

Урал – «каменная сила» («Золотые Дайки») – центральный образ-символ сказов П. П. Бажова. Камень в мифологии и фольклоре многих народов традиционно понимается как «некая основа, центр мира... скрепляющий небо и землю» [9]. У Бажова Уральские горы – это каменное царство, заключающее в себе представление народа о духовной высоте, центре мира, это символ вечности, чистоты, постоянства, подъема, устремленности, вызова. В каменном мире Урала традиционно наиболее привлекательны драгоценные (изумруд, рубин, сапфир), полудрагоценные (агат, лазурит, малахит и т.д.) и поделочные (гагат, змеевик, яшма и т.п.) камни, т.е. самоцветы. Их наименования часто приобретают символические значения, вплетаются в систему сказовых образов, повышая тем самым значимость геммологической лексики в контексте творчества Бажова, в его индивидуально-авторской картине мира. Поэтому избранная для исследования тема представляется нам актуальной.

Цель статьи – выявить и описать символические значения наименований самоцветов в индивидуально-авторской картине мира П. П. Бажова.

Сразу оговорим, что, несмотря на многообразие уральских самоцветов, П. П. Бажов упоминает лишь немногие из них (малахит, изумруд, хризолит), руководствуясь отнюдь не стоимостью минерала. Автор по-своему ощущает особый, уральский, дух камня и только тогда делает его своим «героем».

Яркий пример сказовой стилизации, в которой переплетены бытовые и волшебные мотивы, – книга сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка», объединенная образом Медной горы Хозяйки (она же – Малахитница). Этот главный бажовский персонаж, олицетворяющий природный Урал, создан почти полностью воображением автора (имя, характер, внешность,

поведение, сюжетные коллизии) на основе бытующего в уральском фольклоре образа женщины – хранительницы подземных сокровищ (она же – Каменная девка, девка Азовка, Золотая баба, Горный дух).

Бажовская Медная гора, с одной стороны, отражает реальность горнозаводского Урала (медеплавильные заводы), а с другой – имеет символический смысл: медь – «земной символ тепла и света» [9], но одновременно и «символ твердости», символ «женской красоты». Королек с витком (королек – «самородная медь кристаллами», а виток – «самородная медь в виде узловатых соединений») в сказе «Медной горы Хозяйка» является олицетворением красоты высочайшей. Именно поэтому основной горный дух Урала – Хозяйка Медной горы. О создании этого образа и сюжетной основы своих произведений писатель вспоминал: «...Этот образ далеко перерос свой первоначальный. Хозяйка горы стала олицетворением мощи, богатства и красоты недр, которые раскрываются полностью только перед лучшими представителями трудящихся» [цит. по 10, с. 7].

При растворении руд меди и отложении соединений меди в трещинах и пустотах горной породы [9] образуется малахит – основной символический камень сказов Бажова. Отметим, что это ювелирно-поделочный (полудрагоценный) камень зеленого цвета, название которого восходит, по одной версии, к греческому слову, которое обозначает «мальва» (согласно Плинию Старшему), а по другой – к греческому «трава» [5, с. 71]. В Европе XIX века малахит называли «русским камнем». На это указывает и П. П. Бажов. Мастер Евлах в «Железковых покрывках» говорит о малахите: ...наш родной камень, в коем радость земли собрана. И все-таки в паре медь + малахит в представлении автора (как и народа) первенствует медь. Поэтому хозяйка Урала прежде всего Хозяйка Медной горы, а не Хозяйка малахита.

Образ малахита сложен. Малахит традиционно рассматривается как камень, который возвращает душевное равновесие, отводит зло и оберегает хозяина от злого рока, изгоняет хандру и меланхолию [6]. По поверьям, амулеты из малахита благодаря заключенным в этом камне силам защищают от опасностей маленьких детей [2, с. 48]. Но одновременно он – камень смерти (мастера-малахитчики обычно умирали от туберкулеза). Согласно легендам, малахит может сделать человека невидимым, а пьющий из малахитовой чаши способен понимать язык животных. Зеленый цвет малахита символизирует не только юность, надежду и веселье, но и несчастье, печаль и скорбь [2, с. 48–49]. Эти древние представления о малахите косвенно отражены и у П. П. Бажова.

Амбивалентность образа малахита определяет и созданный П. П. Бажовым противоречивый образ Малахитницы: *Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать – девка. Коса ссиза-черная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светлеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь... Девка небольшого роста, из себя ладная и уж такое крутое колесо – на месте не посидит... Хотя она и тайна сила, а все ж таки девка («Медной горы Хозяйка»).* Отличительной особенностью Хозяйки является ее одежда: *А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить...* («Медной горы Хозяйка»). Живет Малахитница внутри горы: Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших лесах, каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня. Понизу трава, тоже каменная. И вот подвела та девица Данилушку к большой полянке. Земля тут как простая глина, а по ней кусты черные, как бархат. На этих кустах большие зеленые колокольцы малахитовы («Каменный цветок»). В. В. Блажес, характеризуя Малахитницу как «владелицу земных богатств, хранительницу тайн прекрасного и секретов высокого мастерства», вместе с тем справедливо отмечает, что в «Хозяйке сосуществуют, составляя ее сущность, доброе и злое, живое и мертвое, возвышенно-прекрасное и низменно-отвратительное, то есть Малахитница – это типично амбивалентный образ» [3, с. 5]. Встреча человека с Хозяйкой Медной горы может принести и радость, и глубокую печаль, и смерть: Не надо мне твоего мертвого камня! Подавай мне живого Данилушку; С ней пойдешь – всё мое забудешь, здесь останешься – ее и людей забыть надо («Горный мастер»); Кто говорил, что он ума решил, в лесу загнил, а кто опять сказывал – Хозяйка взяла его в горные мастера («Каменный цветок»).

Малахитница может наградить человека самоцветами, может помочь ему раскрыть тайны природы, показать «живую» красоту камня: *У наших змейка, сколь чисто ни выточат, ка-*

менная, а тут как есть живая; Низ камня отдал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана («Каменный цветок»). Но подлинную красоту даже самого красивого камня мастер должен найти, раскрыть, обнаружить самостоятельно, опираясь не только на свои наблюдения над природой, но и обязательно на способность к образному обобщению, возникающему в результате сотрудничества с природой. Это сотрудничество и есть та живительная сила, которая оживляет результаты труда мастера: – Не найдешь, – отвечает Данилушко, – камня, чтобы так-то сделать. / – Кабы ты сам придумал, дала бы тебе такой камень, а теперь не могу, – сказала и рукой махнула («Каменный цветок»); Прими-ко, доченька, от меня памятку, – говорит она, – как забудешь по работе, либо трудный случай подойдет, погляди на пуговку. Тут тебе и ответ будет («Малахитовая шкатулка»).

Однако Хозяйка может и строго наказать, даже смертью, отобрать у жадных и глупых подаренное: *Стали те камешки из мертвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль* («Медной горы Хозяйка»); *Прятели и говорят Турчанинову: «Подбери хоть камни-то! Живо разворуют... Турчанинов и давай хватать те камни. Какой схватит, тот у него и свернется в капельку* («Малахитовая шкатулка»).

В сказах о Хозяйке малахит символически воплощается в трех предметах: зала малахитовая в царском дворце, камни для которой были вырублены Степаном; малахитовая шкатулка, подаренная жене Степана Настасье, но предназначенная для земной дочери Малахитницы – Танюшки; каменный цветок, создаваемый мастером Данилой. Так, малахитовая зала петербургского дворца – символ магической власти камня в суетном, тщеславном и корыстном земном мире. «Уход в гору» Танюшки (дочери Хозяйки от смертного человека), возвращение в камень – это ее возвращение в родную стихию («Малахитовая шкатулка»).

Малахитовая шкатулка – это символ красоты, которая дается одному человеку, тесно связанному с тайной силой. В одноименном сказе это символ тайны, связавшей навечно Степана и Хозяйку, символ совершившегося между ними тайного брака. Малахитовая шкатулка предназначена не для земной невесты Степана Настасьи, «простого, обыкновенного человека», а для «чудесного ребенка» Танюшки, классического образа «подменыша» – плода горного духа и смертного человека. Поэтому закономерно, что только Танюшка может оценить магию чудесного подарка Хозяйки. «Каменная сила» пересиливает даже тягу к жизни: Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка! Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости мало («Малахитовая шкатулка»). Таким образом, шкатулка оказывается временным чудесным даром Хозяйки людям, который возвращается к ней вместе с Танюшкой.

Каменный цветок является воплощением абсолютной магической силы камня, символом абсолютной красоты, недоступной смертному человеку. Поэтому он делает увидевшего его человека несчастным: Несчастный тот человек, который каменный цветок увидит; Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет... В том цветке красота показана («Каменный цветок»). Эта установка на красоту соответствует символике цветка в целом, так как он символ женской красоты, непрменный атрибут Хозяйки: ... в одной руке каелка махонькая, в другой цветок. И горит этот цветок, как хорошая охалпка смолья, а дыму нет. Кто хозяйке поглянется, тому она этот цветок отдаст, а у самой сейчас же другой в руке появится («Тяюткино зеркало»).

Таким образом, слово малахит в сказах обрастает дополнительными символическими значениями, амбивалентными в своей сущности: 'красота', 'тайна', 'сила', 'знание', 'жизнь', 'смерть'. «Каменная сила» малахита имеет, по Бажову, непреодолимую власть над человеческим сердцем и душой.

Магической силой в сказах наделяется медный изумруд, или диоптаз – водосодержащий силикат меди [2, с. 57], редкий минерал зеленого цвета, который, по преданию, рождается из желчи змеи. Это слезы Хозяйки Медной горы, которые она оставляет в дар Степану, отпуская его к невесте. Именно поэтому этот дар Малахитницы – редкостный камень, дорогой камень, целое богатство – играет роковую роль в судьбе Степана, который не только не продает камешки, но сохраняет их тайно от всех и с ними принимает смерть («Медной горы Хозяйка»). Медный изумруд, символизируя абсолютную власть каменной силы, является воплощением тайного богатства гор, недоступного простым смертным, подобно тайне каменного цветка (символические значения: 'сила', 'тайна', 'богатство', 'потустороннее', 'смерть').

Особое место в сказах Бажова занимают также хризолиты (современное название – оливин – камень оливково-зеленоватого цвета, «не из самых значительных, но один из самых привлекательных драгоценных камней», составная часть основных магматических пород [2, с. 58]), которые, в отличие от малахита и медного изумруда, предназначены не для высших сил, а для людей и приносят счастье в их жизни. На Урале в архаическую эпоху, пишется в сказе «Дорогое имячко», чуди белоглазой ... золота этого... кразелитов... меди... полно было;... золото не ценилось вообще, а кразелитами хоть ребятишки играли. (Заметим, что только наименование этого минерала используется как в литературном, так и в диалектно-просторечном вариантах.) В «Серебряном копытце» именно хризолиты становятся основным даром чудесного козла деду Коковане и Дарёнке: Люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Однако хризолиты служат символом не столько материального, сколько духовного дара: чудесные самоцветы исчезают сразу, как утром выпадает снег, и все попытки отыскать их обречены на неудачу; Кокованя успел нагрести только полшапки. Но, главное, этот дар позволяет героям жить с верой в поэтический миф о добрых духах – силах природы (Серебряное Копытце, Огневушка-Посакавушка), которые щедры только к хорошим людям. Слово хризолит в сказах П. П. Бажова приобретает символические значения ‘духовный дар’, ‘радость’, ‘красота’, ‘детство’, ‘древность’, ‘непостоянство, временность’.

В картине мира П. П. Бажова красота двуедина: красота «живая» (природы) и «мертвая» (камня): *Вроде, – говорит, – деланный камень, а не натурный; Чистоты, конечно, большой нет, а все-таки в порядке разложено, где камень, где **молотая** зеленая руда, шлак **битый**, тоже уголь **сеяный** и протча («Железковы покрышки»); Поцупала рукой дерево, а оно холодное да гладкое, как **камень шлифованный** («Горный мастер»)). Данило-мастер в «Каменном цветке», задумавший воплотить в камне красоту простого лесного цветка, печалится о том, что нет жизни в изготовленной им малахитовой чаше, а следовательно, настоящей красоты: То и горе, – жалуется мастер, – что похаять нечем. Гладко да ровно, узор чистый... а красота где? Вон цветок, самый что ни есть плохонький, а глядишь на него – сердце радуется. Ну, а эта чаша кого обрадует?*

Понять и почувствовать красоту каменную можно, только почувствовав и увидев красоту природную. В тесном сотрудничестве с природой работает Евлаха («Железковы покрышки»). На вопрос, как ему удастся изготавливать столь различные по узору и цвету малахитовые досочки, Евлаха отвечает: «Я из окошечка на ту вон полянку гляжу. Она мне цвет и узор кажет. Под солнышком одно видишь, под дождиком другое. Весной так, летом иначе, осенью по-своему, а всё красота. И конца-краю той красоте не видится».

Итак, важность «каменных образов» в сказах П. П. Бажова несомненна. Любимый Урал мыслится писателем как союз камня и человека. Однако символическое значение в картине мира сказителя имеют только три наименования самоцветов. Знаковые для Бажова самоцветы: малахит, медный изумруд, хризолит – сопровождают залежи меди и имеют зеленый цвет. Цвет уральских лесов сливается с цветом камней, впечатывается в них навечно. Амбивалентность символики зеленого – юность, веселье, надежда, но и болезнь и смерть – распространяется и на «каменные образы». Малахит – камень-оберег и в то же время виновник смерти мастеров-обработчиков – получает олицетворение в виде Хозяйки Медной горы – Малахитницы, а также становится доминантой символов богатства (малахитовая шкатулка) и красоты (каменный, но по сути малахитовый, цветок) Урала. Медный изумруд служит знаком тайных сокровищ гор и их абсолютной власти над человеком. Хризолит – щедрый дар добрых духов гор хорошим людям. В единении камня и человека открывается духовная истина. Наименования самоцветов в тексте вырастают в символы духовного просветления, преобразования и вечной тайны природы.

Результаты работы способствуют дальнейшему исследованию как индивидуально-авторской картины мира П. П. Бажова и других авторов, так и семантики геммологической лексики в художественных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажов П. П. Уральские сказы / П. П. Бажов. – М. : Гос. изд. дет. лит., 1962. – 382 с.

2. Банк Г. В мире самоцветов / Г. Банк; пер. с нем. Т. Б. Здорик, И. И. Пастушенко, Л. Г. Фельдман; под ред. и с послесл. А. И. Гинзбурга. – М. : «Мир», 1978. – 300 с.
3. Блажес В. В. К истории создания бажовских сказов [Электронный ресурс] / В. В. Блажес // Известия Уральского гос. ун-та. – 2003. – № 28. – С. 5–11. – Режим доступа: [Виртуал. библиотека EUNnet](#).
4. Жердев Д. В. Символы золота в сказах П. П. Бажова / Д. В. Жердев // Из истории Уральского золота: К 250-летию открытия золота и основания города Березовского. – Екатеринбург, 1995. – С. 23–35.
5. Казарин Ю. В. Денотативное пространство художественного текста и проблема его перевода (на материале поэзии Р. Фроста) / Ю. В. Казарин, О. Н. Латкина // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений, 5–7 февраля 1998, Екатеринбург. – Екатеринбург, 1998. – С. 76–89.
6. Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов / Б. Ф. Куликов. – Л. : Наука, 1982. – 307 с.
7. Михнюкевич В. А. Литературный сказ Урала: Истоки. Традиции. Поиски / В. А. Михнюкевич. – Свердловск : Изд. Урал. гос. ун-та, 1990. – 272 с.
8. Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография / Л. А. Петрова. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
9. Приказчикова Е. Е. Каменная сила Медных гор Урала [Электронный ресурс] / Е. Е. Приказчикова // Известия Уральского гос. ун-та. – 2003. – № 28. – С. 11–23. – Режим доступа: [Виртуал. библиотека EUNnet](#).
10. Ягодинцева Н. А. Бажов Павел Петрович. Писатель. 125 лет со дня рождения. 1879–1950 [Электронный ресурс] / Н. А. Ягодинцева. – Режим доступа: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2005/02/dubrov>.

(Статья поступила в редакцию 12 марта 2016 г.)